

И. В. Лемешкин

(Прага)

**«ДРЕВНИЕ РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ,
СОБРАННЫЕ КИРШЕЮ ДАНИЛОВЫМ» (1818)
В ЧЕШСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА¹**

Аннотация: Ф. Л. Челаковский познакомил чешскую общественность со славянским и литовским песенным фольклором. Подчеркивая сходство поэтики, он был первым, кто в 1825 г. начал сравнивать литовские и русские народные песни. Главное внимание было уделено собранию Кирши Данилова. Будучи убежденным в существовании особого периода балто-славянского единства, чешский филолог в литовском языке отыскал «общий» лексический эпический пласт. Вероятно, по этой причине о своем намерении перевести и издать былины он оповещает в «Литовских народных песнях» 1827 г. Анонсированный перевод так и не появился, однако вместо него был издан *Ohlas pjsnj ruských* — «Отзвук русских песен». Стихи Ф. Л. Челаковского, испытавшие сильное влияние русского эпоса, читательской аудиторией были восприняты в качестве подлинных произведений русского фольклора. Мистификация Ф. Л. Челаковского, предопределив устойчивый интерес к русскому фольклору, повлияла на развитие чешской поэзии XIX в.

Ключевые слова: Франтишек Ладислав Челаковский, Кирша Данилов, былина, славянские народные песни, перевод, фольклорная стилизация, литовские песни

¹ Впервые статья издана в сборнике: *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija* (Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008. С. 246–254), приуроченном к 70-летию проф. Ю. А. Новикова. В 2008 г. юбиляр высказал пожелание, чтобы статья была издана в России. Вниманию читателей предлагается ее исправленный и дополненный вариант.

Abstract: F. L. Chelakovskij introduced Czech community with Slav and Lithuanian folklore. He was the first who in 1825 began to compare Lithuanian and Russian folksongs and emphasized the similarity of their poetics. The main attention was paid to the collection of Kirsha Danilov from the middle of 18th century. He was certain that the ancestors of Slavs and Lithuanians had heard bylinas during the common epoch of Slavs and Balts. He searched the epic vocabulary in Lithuanian language. It was not chance that the information about the plan to translate Russian epic songs into Czech language was published in 1827 in “Lithuanian Folksongs”. The promised total translation was not published, but he printed the book of individual poems “The echo of Russian songs”. Because of clear influence of Russian epic songs, his poems were taken for authentic Russian folklore first time. The mystification of F. L. Chelakovskij influenced the progress of Czech poetry in 19th century and caused stable interest to Russian folklore.

Keywords: Frantíšek Chelakovskij, Kirsha Danilov, bylina, Slave folk songs, translation, folklore stylization, Lithuanian songs

Рукописный сборник песен, ныне известный как сборник Кирши Данилова, впервые увидел свет в 1804 г. под титулом «Древние русские стихотворения». Его первый издатель А. Ф. Якубович, по роду занятий — служащий Главного почтамта, к делу публикации отнесся в соответствии с обычаями своего времени: удалив «новое и скудоумное» (целых 45 песен), обнародовал лишь «истинно древнее и хорошее» (26 песен); исключив информацию о «сочинителе», выправил язык оригинала. Филолог-археограф К. Ф. Калайдович, спустя 14 лет предпринявший второе издание, не избежал многих недочетов своего предшественника, однако существенно расширил число публикуемых текстов, доведя их до 61. Это, в конечном итоге, и обусловило бóльшую востребованность публикации К. Ф. Калайдовича. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», изданные в 1818 г., значительно превзошли издание 1804 г. Наглядное тому свидетельство — проникновение и рецепция русского эпоса за границей.

Чешским первооткрывателем русского героического эпоса является выдающийся представитель чешского национального возрождения, поэт, филолог Франтишек Ладислав Челаковский (František Ladislav Čelakovský; 07.03.1799, Страконице — 05.08.1852, Прага). Первое знакомство со сборником должно было состояться в начале 1822 г. В письме другу [LA PNP, фонд: J. V. Kamařut] Ф. Л. Челаковский кроме прочего вскользь замечает:

Wladim. Tafelr. Туто книгу зде ма́ме в оригиналу «Древніе стихотвореніе». Я их еще нечетл, але цо нейдрі́ве буду. Преложен. н̄мец. ма́ бы́т велми шпатне².

[Wladim. Tafelr. Эта книга здесь у нас в оригинале: «Древние стихотворения». Я ее еще не читал, но в самом скором времени буду. Перевод на немецкий язык должен быть очень скверным]. (Илл. 1)

Wladim. Tafelr. в приведенном выше отрывке — сокращенное Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde («Князь Владимир и его застольники»): Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Alt-Russische Heldenlieder (Übersetzt u. herausgegeben v. Carl Heinrich Busse). Leipzig: Brockhaus, 1819³. Данный перевод героических песен, по мнению самого Ф. Л. Челаковского, «скверен», однако качество переводов К. Х. Буссе, конечно же, не является главной причиной обращения к изданию К. Ф. Калайдовича. Как переводчик со славянских, балтийских, германских и романских языков Ф. Л. Челаковский всегда исходил исключительно из языка оригинала. В 1827 г., публикуя литовские песни, он, например, в самом названии специально акцентирует: z ruwodnjho gazyka dle sebránj Dr. L. J. Rhesy přeložené a wydane — «переведены и изданы с языка оригинала на основе собрания Др. Л. Г. Резы». «Перевод с перевода» допускается только в случае экзотических языков: бурятского, китайского, киргизского и пр.

Русские версии песен были особенно важны и для реализации проекта Slowanské národnj pjsně — «Славянские народные песни» (Прага, 1822–1827. Т. I–III). Трехтомник Ф. Л. Челаковского долженствовал охватить славянский песенный фольклор во всей целостности. Чтобы читатель глубже осознал славянскую общность, а при желании и убедился в первозданной изящности песен, составитель все свои переводы на чешский язык сопоставил с оригиналами.

Из письма от 28.05.1822 [LA PNP, фонд: J. V. Kamarýt] узнаем подробности об издании первого тома «Славянских народных песен»:

² Стремясь скрыть содержимое писем от глаз нежеланных или случайных, Ф. Л. Челаковский писал по-русски или, как в настоящем случае, транслитерировал чешский текст с латиницы на кириллицу.

³ О подлинности фольклорных текстов в этом издании см.: *Иванова Т. Г.* Типология подделок в фольклоре // Народные культуры Баренцова Евро-Арктического региона: новые методы исследования. Материалы междунар. молодежной науч. школы по фольклористике (г. Архангельск, 8–11 ноября 2012 г.). Архангельск, 2013. С. 33–43. — *Ред.*

Але вшецки тыто піснѣ еще нема́м з цензу́ры, я ју́х там дал онегда (зде в Прагѣ; небо Віденскі́х бысме се до рока недочка-ли) про покушені́, нѣколик арху Рускі́х а Србск. с прелож. але ани (див диву́) се ју́х недоткл, таковый мѣл респект а написа-ли impřim. Оригинал при вшех наро́днїх піснїх бых прал абы кажды прѣкладател взды сполу дал тлачит; небо нені вставу, ани тен нейлешнї знател так пѣкнѣ то да́ти яко пұводнѣ. К тому бы прѣстала бѣти народнї піснї кдыбы се з цела вѣрнѣ да́ти дала преложити; так то жа́да ідиом кажде́го языка.

[Но все эти песни я еще не получил из цензуры. Несколько печатных листов с русскими и сербскими песнями и их переводами туда на пробу отдал (здесь в Праге; ибо в венской цензуре мы бы их за год не получили), но, к величайшему удивлению, там их совсем не коснулись, так уважительно к ним отнеслись и написали impřim. Моим пожеланием было бы, чтобы каждый переводчик рядом со всеми народными песнями печатал и их оригинал, ибо даже самый искушенный знаток не в состоянии равняться в красоте с первоизданной песней. Народная песня перестала бы быть народной, если бы ее было можно перевести совершенно точно. Этого не позволяет идиоматика каждого языка].

Среди произведений, отданных в цензуру, по всей видимости, не было текстов из сборника Кирши Данилова. Во втором томе, изданном в 1825 г., русская эпика представлена стариной «Bohatýr Surovec» (№ 199), но ее оригинал взят из песенника Н. И. Новикова. В третьем томе находим: № 1 «Bohatýr Staroruský» (Načinajetsja skazka / Ot sivka ot burka, / Ot vešča kourka, / Na čest i na slavu / Oteckomu domu...), № 2 «Ptačj úrad» (Protekalo teploje more, / Sletalija pticy stadami...), № 5 «Plawba Donských Kozáků» (Čto po vyše bylo goroda Caricyна...), № 8 «Sokol-koráb» (Kak po moriu, po morju, morju sinemu...). Их источник тот же самый: «Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий» (Издано в Москве, в Университетской типографии у Н. Новикова, 1780).

Решимостьваться за перевод и издание былин из сборника Кирши Данилова усиливается после более глубокого сопоставительного ознакомления с юнацкими песнями. В 1823 г. Ф. Л. Челаковский, образно говоря, просит благословения на эпическое начинание у своего ближайшего друга — Й. В. Камарита [LA PNP, фонд: J. V. Kamarýt]:

«Я занимаюсь ныне чтением сербских богатырских песней, наслаждаюсь и дивлюсь красотам их. Как дивным путем

идет дух простолюдина, имея только дарования природы. Язык в сих стихотворениях прост, не шумящий, но во своей простоте тем сильнейший. Ты знаешь битву на Косове, а знаешь Гердер<овский> перевод некоторых; но многие еще превосходят поименованных. Для того я намерен, ежели время позволит, перевести всех богат<ырей> серб<ских> песней на отечественный язык, и некогда издать своим иждивением в двух частях на пренумерату (на подписку. — *И. Л.*). Ожидаю совета твоего. А буде понравится это намерение мое, хочу приступить и к переводению Древних Российских стихотворений. Кажется, что такое предприятие могло б споспешествовать и у многих возбудить вкус тако к народной и романтической поэзии, яко пренебрегание всего, что правдивой поэзии противится, всех новейших мелочей и стихов неестественных. В огороде нашей словесности уже долговременно ничего изящного не родится...»

«Славянские народные песни» Ф. Л. Челаковского, в особенности их третий том, посвященный Вуку Караджичу, предоставили широкий простор для публикации старин, намерение взяться за такой перевод и издание казалось непоколебимым. Автор располагал изданием на языке оригинала, однако здесь не находим осязаемых следов прославленного уральского сборника. Почему наши ожидания не оправдываются?

Ответ на этот вопрос дает другой значительный труд Ф. Л. Челаковского — *Litewské Národnj Pjesně* («Литовские народные песни», 1827). Экземпляров данной книги до наших дней сохранилось не так много. Предшествующие исследователи, по всей видимости, работали с экземпляром, некогда находившимся в библиотеке самого Ф. Л. Челаковского [ныне КНМ: I 96], но не заметили, что книга переплетена вторично и что из нее выпала вторая составная часть — эпическая. Полный экземпляр нам удалось найти в Библиотеке Музея национальной письменности (Страговский монастырь). (*Илл. 2*)

Основой для перевода литовских песен, как уже было отмечено, послужил сборник Л. Резы (*L. Rzeza. Dainos oder litauische Volklieder. Königsberg, 1825*). Сразу же после литовских песен в количестве 73 номеров следуют краткая пометка автора и перевод русской былины. В пометке Ф. Л. Челаковский оповещает:

Vyňata gest báseň tato ze starobylých ruských skládanj (Drevnija Ross. stichotvorenija. Moskva 1818), kterých wjce hinou dobau w gazyku českém podati hodlám.

[Это стихотворение извлечено из стародавних русских творений (Древние рос<сийские> стихотворения), которых в будущем намереваюсь больше изложить на чешском языке]. (*Илл. 3*)

Итак, Potok Michajlo Iwanovič — первый эпический текст, несомненно взятый из сборника Кирши Данилова (Поток Михайла Иванович, № 23) 1818 года издания. Текст былины на языке оригинала, старательно скопированный рукой Ф. Л. Челаковского [LA PNP, фонд: F. L. Čelakovský], свидетельствует о том, что в 1827 г. поэт еще не располагал личным экземпляром сборника. (Илл. 4). Намерение издать отдельную подборку героических песен, высказанное в 1827 г., объясняет, почему материал из собрания Кирши Данилова не нашел применения в трехтомнике славянского песенного фольклора. Автор берег его на особый случай.

Почему о предстоящем чешском издании Кирши Данилова поэт оповещает общественность именно в сборнике литовских песен? Славянское собрание, точнее третий эпический том, мог бы показаться для этих целей более подходящим. Случайность ли это? Прямым ответом Ф. Л. Челаковского мы, к сожалению, не располагаем (чтобы не дразнить цензуру, поэт предпочитал избегать сопроводительных статей), однако есть основания для одного пока что предварительного предположения.

Ф. Л. Челаковский, как лингвист и знаток славянских древностей, придерживался особого взгляда на проблематику древних балто-славянской отношений⁴. Еще до А. Шлейхера, заявившего о существовании балто-славянского праязыка, Ф. Л. Челаковский, читая лекции в Бреславльском (Вроцлавском) и Пражском университетах, высказывался в пользу особой «балто-славянской эпохи», когда славяне особо тесно контактировали с балтами, и наоборот:

<...> mluvověda druhdy prostírá i na ty věky světlo, o nichž historie dokonce mlčí, a pomocí této nauky dovídáme se, že kmen litevský nejen sídla svá měl podél celého baltického moře, ale že hluboko i do samé střední Evropy sídly svými zasahovati musel. Kterak to lze dokázati? Nejinak než samým jazykem toho národu. <...> Větve litevské zajisté daleko i v osedlosti slovanské se prostírali; a i to zdá se býti jisto, že Slované od věkův nejvíce v lůno tohoto národu se šířili s ním pomalu v celost splývající. Což v tom divného? Krajín prázdných bylo všude dostatek; přichylná povaha Litevského kmene k tichému životu a rolnictví dobře se shodovala s naší slovanskou, i mohl dobře oseděti jeden národ nejen vedlé druhého, ale i mezi ním samým, jak toho posud u př. v Uhřích nám blízkých příklady máme před očima.

[<...> языковедение подчас освещает и те века, о которых молчит история. С помощью данной науки узнаем, что ли-

⁴ Подробнее: *Lemeškin I.* August Schleicher und Prag // *Das lituanistische Erbe August Schleicher.* Bd. 1. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2008. С. 114–119.

товское племя свои селения имело не только по побережью Балтийского моря, но посредством своих поселений проникло и глубоко в Среднюю Европу. Как это можно доказать? Не как иначе, как только посредством самого языка этого народа. <...> Побег литовские глубоко укоренились и на земле, населенной славянами. Также и то представляется очевидным, что славяне извечно тяготели в лоно именно этого народа, соединяясь с ним постепенно в одно целое. И что же в этом удивительного? Пустынь было всюду достаток; преданный характер литовского племени хорошо сочетался с тихой жизнью славянина-земледедца, потому один народ мог не только находиться рядом с другим народом, но и внутри его самого, чему находим пример у наших соседей венгров]⁵.

Преследуя цель подчеркнуть балто-славянскую общность, унаследованную из доисторических времен взаимного сосуществования на общем географическом пространстве, Ф. Л. Челаковский взялся за написание «Литовского словаря», лексический состав которого в общем и целом перекликается со славянской лексикой (*Litevský slovník* в феврале 2008 г. был обнаружен в Отделе рукописей и старопечатных изданий Национального музея [ORST NM, сигн.: IV A 11]). Здесь находим некоторые словарные статьи, проливающие свет на представления о бытовании русского эпоса, например:

bohats, bagotas, -o (od bágas, -o, m. ?); bagoczus, -aus, boháč; odtud **bohatsr**, bagotyrus, -i = velmi bohaty; nebágas, -o, m. ubohý; nebáge, -ěs, f. chudá.

bojar, bajoras, -o, m., (nižší) šlechtic; bajore, -ěs, f. bojarka; bajorěne, též. **meč**, meczius, -aus, m.

Наличие в литовском языке подобных «героико-эпических» слов показывает, что Ф. Л. Челаковский, по всей видимости, придерживался мнения о доступности былин предкам нынешних литовцев, а потому, присоединяя героическую песню о Потыке к песням Л. Резы, составитель, вероятно, не чувствовал противоречия и внутреннего сопотивления.

Так или иначе, в «Литовских народных песнях» Ф. Л. Челаковский оповестил о печатании новых переводов из Кириши Данилова, однако заявленный сборник, подобный «Голосам русского народа в песнях» Петра Готца (*Götze P. V. Stimmes des russischen Volks in*

⁵ *Čelakovsky F. L. Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národův slovanských jež na vysokých školách pražských měl Frant. Lad. Čelakovský. V Praze v kommissí u Františka Řivnáče, 1877 (Spisů Musejních číslo CXL). C. 64–65.*

Liedern. Stuttgart, 1828), так и не появился. С П. Готцем, который в основу своего перевода положил публикацию К. Ф. Калайдовича, Ф. Л. Челаковский поддерживал самые тесные контакты. Само название немецкого сочинения, быть может, напрямую подсказано чешским поэтом. См. фрагменты из писем Ф. Л. Челаковского Й. В. Камариту [LA PNP, фонд: J. V. Kamarýt]:

«Нынѣ ен нáроднѣ пѣснѣ бых ииж рáд тлаченé видѣл, ты мнѣ дѣлаиú вѣтшиú радост, неж мé бáснѣ. Еном прѣтели мѣиú цо се ти удá нѣды еще од тѣхто нáиúти, добре сховей, я буду тѣж на полинáх сжѣх сгледáвати, абыхом так нѣкды, дá бѣг! мохли вывѣсти: Hlasowé Slowanských národů w pjsnjch (Stimmen der Völk. in Lied. v. Herder). Тобы стáло за нѣцо!»

[Ныне только народные песни желал бы видел в печати. Они меня радуют большее, чем мои собственные. Только, друг мой, если тебе попадутся еще и другие народные песни, хорошенько их побереги, и я их постараюсь найти у себя, чтобы когда-нибудь, дай Бог, мог создать «Голоса славянского народа в песнях». Это стоило бы того]. [От 12.02.1822].

Я хочу все сочинения по частям дать напечатать, каждую часть по 7–8 листов; чтоб 1. Часть содержала стихи подлинные; 2. Сербские богатырские песни; 3. Идиллии и прозаические вещи, и 4. и прочие... Песни народные под титулом «Голоса Славянских народов в песнях», тако чтоб разделение стало на 4 или 5 частей, и каждый язык удержал литеры свои. До сего времени я не издаю ничего, ниже в стихах, ниже в прозе, ниже престонародного, и сохраняю все до лучших времен. [От 11.2.1824].

Несмотря на поощрения Й. В. Камарита, на интенсивное общение с П. Готцем, В. Караджичем и др., полный чешский перевод русского эпического сборника так и не состоялся, однако в 1829 г., опираясь на Киришу Данилова, автор печатает *Ohlas pjsnj ruských* («Отзвук русских песен»). (Илл. 5).

Данная «подделка» под народнопоэтический дух Кириши Данилова оказалась чрезвычайно удачной, книге было суждено стать бестселлером чешской литературы. Из письма Й. В. Камарита Ф. Л. Челаковскому узнаем о реакции их общего близкого знакомого — Франтишека Ярослава Вацка-Каменицкого (František Jaroslav Vacek-Kamenický, 1806–1869) — посвященного в подноготную книги [LA PNP, фонд: F. L. Čelakovský]:

<...> náš mladý básnjk Kamenický w listu swém ke mně píše: “Nenj ginač, musil mjti lyru potaženau strunami ze střew sobolowých... Já aspoň dle toho ducha genž zawjává z ruských posud

Čelak-ím wydaných bylbych ge za pauhé ruské a w češtinu přeložené národnj zpěvy měl, kdybych guž newěděl, že se náš potutelný Ladauš do těch sobolowých kožešin zaobalil, a gakožto ruský pěwec po Čechách chodě nás až we swatau Rus za nos wedj... Zkažte mu we gměnu mém, že ho za geho ruské wausy zatahám až letos na prazdniny do Prahy přigdu”.

[<...> наш молодой поэт Каменецкий в своем письме ко мне пишет: «Иначе быть не могло, у него должна была быть лира с натянутыми струнами из соболиных чрев... По духу русских песен, ранее изданных Челаковским, могло бы показаться, что это лишь новые переводы русских народных песен, но на самом деле мне ведомо, что наш лукавый Ладислав закутался в соболиную шубу и, в виде русского певца странствуя по Чехии, водит нас за нос на святую Русь. Передайте ему, что по возвращении на каникулы в Прагу затагаю его за его русские усы].

Даже опытные чешские критики сначала восприняли «Отзвук» как реализацию ранее объявленного (в «Литовских народных песнях») труда, поверили, что Ф. Л. Челаковский действительно перевел простонародные песни. На самом деле свои стихи-песни поэт выдал за народные, «одел в русские шубы», а чтобы еще больше запутать восприятие книги на предмет авторства, позаимствовал наиболее симпатичные образы былинных героев: I. Bohatýr Muromec (с. 9–12); XXIV. Čurila Plenkowič (с. 70–79); XXV. Ilja Wolžanjn (с. 80–95) и т. д. Воспользовавшись эпической поэтикой из литературных соображений, Ф. Л. Челаковский жертвовал переводами русских былин (после 1829 г. автор «Отзвука» напечатал всего один перевод старины — Chlauba, zhauba = КД, № 33: Česká wčela, № 4, 1834, с. 65). Произошло это из-за горестного осознания того, что современные писатели пренебрегают «простой» лирой и поэтому «в огороде нашей словесности уже долговременно ничего изящного не родится». Таким образом, стараниями Ф. Л. Челаковского собрание Кирши Данилова становится мощным импульсом для развития чешской поэзии первой половины XIX в.

В то же самое время «гордость современной поэзии», т. е. «Отзвук», как это ни парадоксально, вызвал повышенный интерес к сборнику Кирши Данилова. Можно полагать, что интерес к русскому эпосу в чешской среде был бы гораздо меньшим, появись обещанный перевод. Литературный бестселлер обеспечил интерес в долгосрочной перспективе, при этом охватил самую широкую читательскую аудиторию (не только филологические круги). Возни-

кает любопытное явление, характерное только для Чехии: в первой половине XIX в. Кириша Данилов интенсивно переводится, осмысливается из-за современного текста художественной литературы, из-за Ф. Л. Челаковского. Кириша Данилов становится необходим для постижения закономерностей поэтического строя «Отзвука».

Особенно весомы былинные переводы Ярослава Лангера, напечатанные в 1834 г. в «Журнале Национального музея» (*Časopis českého museum*, 1834, ч. II, с. 138–154, ч. IV, с. 379–393). В обстоятельной сопроводительной статье (с. 374–379), ознаменовавшей зарождение чешской былинологии, изложены причины, почему необходимо как можно глубже знакомиться с Киришей Даниловым:

«Gest pak geště gedna přičina, která nás lepšjmu powšimnutj knihy této nutj, a toť: „Ohlas pjsni ruských“ páně Čelakowského, tento poklad a posud neynárodnějšj a snad i neylepšj plod našeho nowějšjho básnictwj. <...> Wýbornost krasowědecká w nich patrná gest i každému přístupná. Co pak se krásné prstonárodnj formy týče — ta na poneyprw trochu cizj se býti zdá, a potřebj toliko nawykati se na ni. Tenť zagisté krásu básnickau našeho Čelakowského teprw pozná, kdo se dřjwe seznanj s národnjmi pjsněmi ruskými tu i tam podanými, a se sbjrkou na hoře podotknutau od Kirše Danilowa, i přeswědj se s námi, že páně Čelakowského „ohlas“, co se formy týče, básnjm těmto ruským, kterež mu, gakož patrnó, byli w tom školau, wšudy se wyrowná; co pak se wnitřnj, čistobásnické ceny dotýký, welice ge a naskrz wšecky předčj. Toto pak mě pohnulo, že sem se osmělil, několik básnj ruských w časopisu tomto weřgnosti podati, a kdoby si byl toho posud méně wšjmal, učiniti ho na to pozorným. Také snad mnohý z mládencůw, s ruským gazykem se objragicjch, nynj s wějšj chuti knihy ty otěwře, a přirownáwage gedno k druhému, stegně se mnau rozkoše pocjtj a cenu Ohlasu pjsnj ruských pozná».

[Имеется, однако, еще одна причина, принуждающая нас к лучшему ознакомлению с этой книгой, а именно — «Отзвук русских песен» г. Челаковского, этот клад, самое народное и, пожалуй, непрезойденное произведение современной нашей поэзии. <...> Красота поэтическая всем очевидна и доступна каждому. Что же касается красивой прstonárodnj формы, то сначала она может показаться немного чуждой, ибо к ней необходимо немного привыкнуть. Поэтическую прелесть нашего Челаковского поймет прежде всего тот, кто предварительно познакомится с доступными публикациями русских народных песен и с собранием выше упомянутого Кириши Данилова. Тогда читатель вместе с нами убедится в том, что по форме «Отзвук» г. Челаковского совершенно соответствует

русским песням, у которых он учился; в отношении же внутренней, стихотворно-поэтической ценности — их совершенно и всецело превзошел. Именно это побудило меня к тому, чтобы я осмелился в этом журнале преподнести несколько русских стихотворений и перед лицом общественности акцентировать выше изложенное обстоятельство. Надеюсь, что теперь многие молодые люди, занимающиеся русским языком, с бóльшей охотой откроют эти книги и, сопоставляя их друг с другом, вместе со мной испытают наслаждение и поймут истинную цену «Отзвука русских песен»]⁶.

В стремлении показать настоящую красоту «Отзвука» Я. Лангер публикует переводы: *Swatba Knižete Wladimjra* (КД, № 11), *Dobryňa Čud' pokořil* (КД, № 21), *Kalin Car* (КД, № 25), *Michaila Kazarinow* (КД, № 22).

Новая волна увлеченности восточнославянским эпосом в Чехию приходит во второй половине XIX в. В журнале *Květy* за 1868 г. Ян Гебауер (*Jan Gabauer*) публикует очередную обширную былинную серию: *Ilja Muromec* (№ 1, с. 4–6, № 2, с. 12–14), *Dobryňa Nikitič* (№ 3, с. 21–22), *Aleša Popovič a Čurila Plenkovič* (№ 4, с. 28–30), *Dunaj Ivanovič a Danil Denisovič* (№ 4, с. 30; № 5, с. 35–36), *Vasilij Buslajevič* (№ 5, с. 36–38), *Záhuba bohatýřů na svaté Rusi* (№ 5, с. 38). Нельзя, конечно же, исключать заслуг Ф. Л. Челаковского, однако причины, приведшие к новым публикациям, здесь все же принципиально иные. Решающую роль сыграло открытие живой эпической традиции в Обонежье.

Список сокращений

KNM — *Knihovna národního musea* (Библиотека Национального музея, Прага)

ORST NM — *Oddělení rukopisů a starých tisků národního musea* (Отделение рукописей и древних изданий Национального музея, Прага)

KPNP — *Knihovna Památníku národního písemnictví* (Библиотека Музея национальной письменности, Прага)

LA PNP — *Literární archiv Památníku národního písemnictví* (Литературный архив Музея национальной письменности, Прага)

⁶ *Langer J.* Dvě starožité básně ruské // *Casopis českého museum.* Praha 1834. Ч. 4. С. 376–378.